

Устьян Виктория Геннадьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры лингвокультурологии
Новомосковского филиала Университета российского
инновационного образования

МЕНТАЛЬНЫЕ МЕГАТИПЫ В ФОКУСЕ ФИЛОСОФСКОЙ ДЕДИКАЦИИ

Аннотация:

В статье показана способность философской интенции к предельному обобщению мировоззренческих ориентаций человечества. В качестве координирующей заявлена проблема эффективности методик преподавания философии. Излагается оригинальная концепция интерпретаций философских категорий «космоцентризм», «теоцентризм», «антропоцентризм», символизация которых позволяет решать проблему возникновения и деградации европейского антропоцентризма.

Ключевые слова:

«посвящение» в философию, категория «Абсолют», космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, пантеизм, христианская цивилизация, постмодернизм.

Ustyian Victoria Gennadyevna

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Cultural Linguistics Department,
Novomoskovsk branch of University of
Russian Innovative Education

THE MENTAL MEGA-TYPES IN THE FOCUS OF PHILOSOPHICAL DEDICATION

Summary:

The article considers the ability of philosophical intention to the ultimate generalization of ideological values of mankind. The author considers the problem of effectiveness of the methods of philosophy teaching as a coordinating one. The article discusses an original conception of interpretations of such philosophical categories as "cosmocentrism", "theocentrism", "anthropocentrism", symbolization of which allows to solve the problem of origin and degradation of the European anthropocentrism.

Keywords:

"dedication" in philosophy, category of Absolute, cosmocentrism, theocentrism, anthropocentrism, pantheism, Christian civilization, postmodernism.

Приоритетными характеристиками философского знания не являются простота, доходчивость, а уж тем более схематизм и наглядность. Однако университетский, научно-популярный путь вхождения в философию именно этим и характеризуется – он доходчив и по возможности нагляден, а если нет, то попросту непроходим. Однако как возможна популяризация философского знания без его профанации? Возможна ли она в принципе? Не каждый ли преподаватель философии, одержимый служебным долгом, повторяет тот маршрут, который уже был проложен две с половиной тысячи лет назад – софистами и Сократом? Или преуспеть на поприще демократизации гносиса, или быть осужденным принять цыкату. «Человек есть мера всех вещей» и «Познай самого себя». Демократизм или элитарность? Выбирая первое, философ неизбежно обрекает себя на вивисекцию Истины, выбирая второе, – на вивисекцию самого себя. Конечно, возможно и третье, но оно никак не связано с выходом философа в народ. А выходить требуется – это одно из условий нашей задачи. Итак, нам дано: философское знание, студенческая аудитория и функция посредника; необходимо найти способы сопряжения знания с аудиторией. Многовариантность решения и его нюансировка очевидны, однако их практическое преломление не уживается ни с одним из уже существующих пособий. И тем не менее найдется в арсенале каждого «посредника от философии» некое любимое решение задачи (именно «любимое», если вспомнить определение Н. Бердяевым философа как человека «влюбленного»).

Итак, представим в виде трех окружностей мировоззренческие мегатипы, или все когда-либо существовавшие и существующие взгляды людей на бытие, – и всего три окружности. Формулой « $K(p) = A$ », вписанной в первую окружность, обозначим ментальный мегатип космоцентризма. Формулами « $A \rightarrow K(p)$ » и « $A \leftrightarrow \text{ч}$ » обозначим ментальный мегатип теоцентризма, причем символ « A » вынесем за пределы второй окружности. Внутри третьей, представляющей ментальный мегатип антропоцентризма, поместим формулу « $\text{ч} = A$ ». Значение символов прозрачно: окружность – это знак космического бытия; « A » – его субстанция, или Абсолют; « ч » – человек; « $K(p)$ » – Космос, или природа.

Дедикация в мир философского знания начинается с приручения категории «Абсолют», настраивающей на спекулятивные абстракции и возносящей на метафизический уровень, без соприкосновения с которым невозможно даже некое подобие философской рефлексии. Однако отстраненность от перцепции превращает постижение категории «Абсолют» в долгосрочный процесс, совпадающий с постижением всего философского кладезя. Начинать нужно «от против-

ного» – от того, что Абсолютом не является, – всего относительного, каузального, входящего в систему «жизнь – смерть». Абсолют при этом мыслится как детерминант, задающий причинно-следственную связь, это то «единое, без которого не может быть многого». Абсолют – это рационализированный восполнитель психофизической ущербности человека как рефлексирующего существа, субъект его логики и аксиологический концентрат. Это мыслимые исток и предельные основания бытия, с чем соотносит и соизмеряет себя человек, в чем он имеет онтологическую опору, будучи «животным символическим». История философии и есть путь познания абсолютного. Точнее, три пути, именуемые космоцентризмом, теоцентризмом и антропоцентризмом, – в зависимости от того, в чем усматривается Абсолют: в Космосе (природе), в Боге, в самом человеке.

Специфика космоцентризма (формула « $K(p) = A$ ») обусловлена пантеистическим сознанием, которое отождествляет природное и абсолютное, в материальном и относительно прозрачает обуславливающее их внутриприродное невидимое (духовное) начало, в антропоморфной адорации порождая феномен политеизма. Этот ментальный мегатип вбирает в себя наибольшую часть человеческой истории, начиная с архаики и брахманизма, и существует до сих пор не только в традиционных установках нетеистических культур, но и в – безусловно связанных с ними – конфигурациях нью-эйджа. Его глубоким основанием следует считать не что иное, как анимизм и вытекающие из него формы магических манипуляций. Античный переход от мифа к Логосу также несет на себе отпечаток анимизма в виде панпсихизма и гилозоизма, которые будут возрождены натурфилософами XV в. Производным от панпсихизма следует считать и античный логоцентризм, прошедший этико-онтологическую закалку стоицизма [1]. Живой и законосообразный, Космос вдохновляет и осеменяет логосами мудрецов – своих первооткрывателей: Пифагора, Гераклита и Эмпедокла. Вряд ли даже те, которых советская философская традиция называет «наивными материалистами», то есть Фалес, Анаксимен, Анаксимандр и даже Демокрит, сумели отстраниться от ментальных универсалий своего времени – гилозоизма и панпсихизма. Скорее всего, это был некий монизм – ощущение и попытка рационализации одушевленного Космоса, живой материи, по сравнению с которыми аристотелевский «неподвижный перво-двигатель» воспринимается сейчас не просто как первопринцип бытия, логическая абстракция, но как «мертвящая буква», с которой начал писаться текст деизма и машинной цивилизации. В свете полумифического натурфилософского монизма идеализм Платона следует расценивать как идеационный денотатор Космоса, и Ницше, конечно, прав в своем осуждении сократического рационализма – он, действительно, антивитаен, противоестествен и с него начинается подготовка к принятию христианства на античной земле по достижении своего пролегомического апогея в неоплатоническом «проклятии» природы.

Ересиярхами космоцентризма были греческие и римские идеалисты, ересиярхами теоцентризма – философы Нового времени. Возрождающие пантеизм, они (прежде всего Дж. Бруно, Н. Кузанский, Б. Спиноза) смирили человека, разглядевшего в себе потенциальное богоподобие, низвели его до уровня героического энтузиаста и протяженно-мыслящей субстанции. Сейчас уже очевидной является та смысловая метаморфоза, которая породила культурологические мистификации просветительской догматики. Согласно ее интерпретации, антропоцентризм Ренессанса обусловлен антиклерикальными настроениями. Намного ближе к истине оказались К. Маркс и Ф. Энгельс, усмотревшие причины радикальной ломки феодального сознания в мистическом пантеизме, которым были пропитаны еретические движения амальрикан и бегардов.

Однако непозволительной ошибкой является умаление полуторатысячелетнего воздействия западнохристианских идей, обусловивших возрастание самосознания в разноуровневом процессе богочеловеческого диалогизма. Протестантизм возникает именно на католической земле. Ломка феодальной иерархии, первая научная картина мира, борьба за «свободу, равенство и братство», провозглашение Декларации прав человека и гражданина (1789) – все это есть плоды христианской цивилизации. Чтобы проследить эволюцию теистических идей, их социальное преломление и воздействие на европейскую ментальность, нам пришлось бы начать с идеи креационизма, с утверждения надприродности, трансцендентности Абсолюта и – одновременно – его имманентизма, связи его Личности с человечеством. Схема теистического мегатипа проста – « $A \rightarrow K(p)$ » и « $A \leftrightarrow ч$ » и демонстрирует главное – опору на сверхкосмическое личностное начало, в котором человек черпает силы для своего привилегированного положения как микротеоса, для антропоцентризма [2, с. 426]. Столетия человеческого бытия, нацеленные на «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», столетия аскетической трансформации психофизического естества, ригоризма и сотериологической сублимации под эгидой идеи метафизической неуничтожимости личности, предельно осмысленный человеческий путь, телеологичность мироздания и догматизация гносиса – все это в ревелационной конструкции богочеловеческой соразмерности и ее мистико-рациональном диалогизме. Разве новоевропейский антропоцентризм, как и просветительская идея про-

гресса, возникают не благодаря, а вопреки? Деградационное состояние пантеистического мироощущения было преодолено только к XV в. посредством его синтеза с христианским теизмом, и ренессансный антропоцентризм есть плод этого синтеза.

Конечно, он далек от современного антропоцентризма, «энтелехией» которого является светский гуманизм – самодостаточность человека, его отказ от онтологических источников абсолютного, его – как ни парадоксально – опора на свою субъективность (формула «ч = А»). Тотальный нигилизм ниспровергает любые авторитеты и, производя деконструкцию традиций, обрекает на нелинейность (ризому) исторического процесса. Хитросплетения сциентизма и логофобии, массмедийные продукты «рукотворного» мифотворчества, безудержный гедонизм как точка опоры релятивизма – таков на сегодняшний день результат самообожествления освободившегося человека. Жажда возвращения к дионисийскому хаосу – в точном соответствии с диалектическим отрицанием отрицания – сдерживается самой конструкцией информационного сообщества, предоставляющей возможность отведать любые «измы» в виртуальной форме. Однако ни одна ментальная парадигма не сформировала такой эмпирической плоскости, как сделала это парадигма антропоцентризма, – в мире тотального субъективизма только очевидное эмпирическое может служить критерием «истины», то есть того, что принимается за очевидное большинством (или «элитарным» меньшинством, если учитывать опыт сбежавших от свободы под крыло диктаторов-харизматов) [3, с. 82]. И если рассмотреть европейский опыт сквозь призму знаменитого кантовского вопрошания, начинающегося с «Что я могу знать?», то слишком очевидной становится несостоятельность самой просветительской установки на абсолютизацию относительного – разумения чисто-человеческого. И конечно, резонное философское вопрошание к настоящему времени возможно лишь из будущего, только способно ли оно породить для этого своего Канта?

В нашу задачу не входит раскрытие микротемы «Современная антропологическая катастрофа, или дегуманизация личности», в данном случае должным является лишь констатация этой проблемы и предложение самостоятельно вскрыть ее причины. Без особого труда студенты обнаруживают противоречие в самом отождествлении человека с Абсолютом, для них наглядно-очевидной становится алогичность продемонстрированного равенства «ч = А», у многих при этом возникает вопрос: действительно ли мы имеем дело с антропоцентризмом, то есть позволительно ли постхристианскую ситуацию Новейшего времени квалифицировать как антропоцентризм?

Начавшись с индивидуализма в области религии – феномена протестантизма, осуществившись в просветительской программе секулярного гуманизма и в конституциональных моделях социальной справедливости, антропоцентризм вырождается. В ситуации постмодерна центрированным, абсолютным и сущностным является «ничто» – «*nihi*lo-центризм» – ничто не есть реальность, но все, что принимаем мы за таковую, есть «текст». Вправе ли мы такой ментальный тип обозначить в качестве бытия символом круга? Интерпретирующий разум постмодернистов волен предложить здесь какой угодно пастиш. И он может рассматриваться ими как преамбула к постидентичности.

Таким образом, символизация мировоззренческих мегатипов позволяет сориентировать в онтологической матрице философского знания и продемонстрировать саму способность его к предельному обобщению человеческого опыта, помогает квалифицировать индивидуальное мировоззрение с позиций универсалий и сознательно корректировать его. Рассмотренная методическая конструкция также может служить отправным пунктом для дальнейшего рассмотрения основных философских проблем.

Ссылки:

1. Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Студенческий меридиан. 1983. № 9–10.
2. Антисери Д., Реале Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье. СПб., 2003.
3. Богданова О.А. Процесс секуляризации и кризис личности в западной культуре XX века. Ростов н/Д., 2001.

References:

1. Losev, AF 1983, 'Twelve theses on the ancient culture', *Student Meridian*, no. 9-10.
2. Antiseri, D & Reale, D 2003, *Western philosophy from the beginnings to the present day. Antiquity and the Middle Ages*, St. Petersburg.
3. Bogdanova, OA 2001, *The process of secularization and the crisis of identity in Western culture of the 20th century*, Rostov-on-Don.